

Демонстрационный вариант и методические рекомендации
по направлению «История»

Профиль «Мусульманские миры в России (история и культура)» КОД – 324

ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ВАРИАНТ

Время выполнения задания – 240 мин., язык – русский.

Задание 1. Анализ фрагмента текста источника. Внимательно прочитайте и проанализируйте фрагмент. Когда, как Вы предполагаете, мог быть написан этот текст? Кто мог быть его автором – человек какого социального статуса, профессии, этнической и конфессиональной принадлежности? Как Вы предполагаете, совпадают ли взгляды автора текста с идеями его персонажа? В чем состоит сложность и противоречивость высказанных здесь идей? Каковы способы их аргументации? Каково отношение автора к политике России на Кавказе, однозначно ли оно? Видит ли он пути решения описанных проблем и в чем? Как бы Вы охарактеризовали в широком, типологическом плане мировосприятие автора, проявившееся в этом тексте?

Объем ответа не должен превышать 4–5 страниц письменного текста (120-150 строк) на листе формата А4. Ответ может включать разные предположения с аргументами за и против каждой из Ваших гипотез.

– Когда я бываю, – говорил Султан, – у высшего начальства, то чувствую, что я хан и генерал-лейтенант, когда же я здесь в своем доме, то теряюсь в догадках: кто я? – эти подлые пристава и станичные начальники кричат на меня как и на всякого ногайца. На справедливую же жалобу мою начальство молчит. Право, я завидую последнему горцу, живущему не под гнетом этих негодяев... Было бы гораздо человечнее и полезнее, если бы правительство, сознавая свое могущество и долг великой державы, с приходом своим на Кавказ, не прибегая к разным неуместным и недостойным ухищрениям прямо, согласно своим прокламациям и словесным обещаниям занялось бы на плодородной почве его посевом семян цивилизации на общее благо. Тогда руководимое Богом, оно непременно и скоро успело бы развить и укрепить к России чистосердечную любовь честных и способных кавказских народов, имея за них порукою их чувство благодарности и выгоды жизни.

Для достижения этой благородной и великодушной цели была бы даже слишком достаточна тысячная часть тех жертв и расходов, которые оно в течение более одного века употребило на Кавказе лишь только для посева зла и пролития в ущельях и долинах без всякого сострадания невинной русской и туземной крови.

А для оправдания себя перед правосудием клеветает на мусульманскую религию, будто бы она враг всякой цивилизации, тогда как мусульманская религия считает науки и искусства источником всех благ этого и будущего мира и предписывает искать их как свое счастье. На этом основании все бывшие Халифы и повелители с неутомимой деятельностью стремились к благу человечества, сильно покровительствовали умственному и нравственному образованию, развивали в народе духовную и материальную силу. Правосудие существовало для всех одинаково.

Когда же, к несчастью, власть их доставалась человеку, заменявшему их деятельность праздностью, их строгую жизнь – наслаждениями, тогда, как везде, все отрасли управления с народным богатством делались добычей страстей. Вследствие чего исчезала духовная и материальная сила, без коих государство как и человеческое тело без души существовать не может.

Следовательно дело не в фанатизме, а в умении и способности понимать и различать вещи.

Олимпиада НИУ ВШЭ для студентов и выпускников – 2019 г.

Россия освободившись от татар имела удобные случаи расширить свое государство соседними мусульманскими народами и в настоящее время имеет из них подданными более двенадцати миллионов душ. Нечего говорить о том, что между ними есть много фанатиков и злонамеренных духовных лиц, которые, не внимая голосу Корана, истолковывают его превратно, употребляют Шариат орудием для своих видов. Но ведь разве в этом виновата мусульманская религия, а не русское правительство, которое к величайшему удивлению, в течение нескольких веков воюя и владея мусульманами, не подумало приготовить коренных русских хороших чиновников с основательным знанием правил и законовещения мусульманской веры.

Не знаю, что на это может сказать правительство, но я скажу истину, не требующую никакого доказательства.

Русское правительство не приняло мер к распространению между кавказскими народами просвещения потому, что стремилось к совершенному уничтожению не только горцев и мусульман, но и у грузин и армян сознания своего достоинства, дабы иметь их как донских казаков безусловными рабами.

С этой мыслью первою задачей его было нравственно и материально унижить гордую аристократию и для этого привить против грузин и армян нравственную болезнь, т.е. болезнь роскоши, балов, дорогих нарядов, шумных обедов, картежных игр и вообще разврат в обширном значении, и чем достигнута коварная цель: все грузинские князья остались без куска хлеба по уши в неоплатных долгах нуждаясь до крайности в царской службе.

Армяне не поддались, они, напротив того, очень хорошо поняв, сами умно и ловко пользовались случаями увеличивать свое состояние, в чем имели большой успех.

Мусульманская же аристократия уничтожена, как выше сказано, совершенно и навсегда силою бесчеловечного произвола.

Все вышесказанное пусть остается в области тяжкого и печального прошлого под судом позднейшего потомства.

Обратим свой взор к будущему и чистосердечно заметим ту истину, что Россия несколько веков враждуя с мусульманами, одержала над ними победу и ничем не упрочила ее значение. До сих пор поддерживает ее только ужасом своего оружия.

Не имея права на чувство благодарности многочисленных ей подданных мусульман, насчет коих она много расширилась и все еще растет. Но! основываясь на ясных фактах, приходится сказать, что растет под мраком таинственности: никто кроме Бога по сие время не ведает, растет она в пользу или во вред свой.

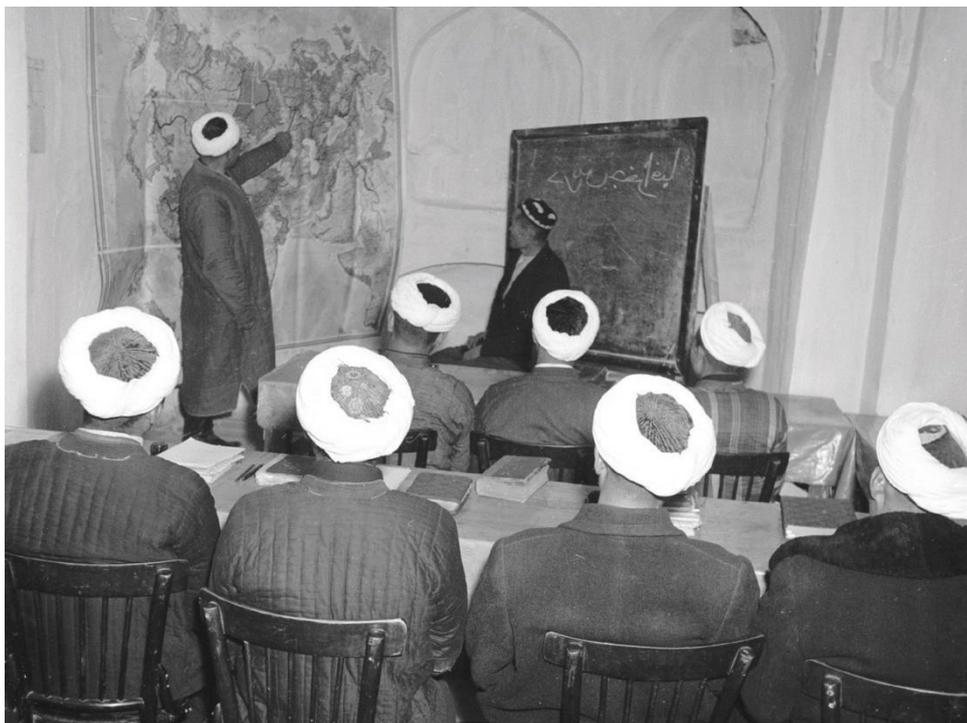
Поэтому очень желательно, чтобы ее правительство внимательно и здраво окинув свое будущее, признало бы необходимость заменить против мусульман всю свою систему, основанную на праве сильного, системою, стремящуюся к добру, пользующую и любовью и доверием народов.

Она будет ближе к общему благу, т.е. к сближению России с целым мусульманским миром. Дружбою, которой Россия, обеспечивши свою победу, была бы очень богата, сильна и прочна.

Имела бы в Европе и Азии между державами повелительную роль.

В противном же случае она, как добровольно ослепленный, в конце концов непременно будет иметь в итоге печальные результаты и позднее раскаяние.

Задание 2 Анализ визуального источника. Проанализируйте фотографию. Кто мог ее сделать и с какими целями, какова идеология этого изображения? Какими мы видим советских мусульман здесь? В каком историческом контексте следует анализировать такие фотографии? Объем ответа – не более 30-40 строк письменного текста (1 – 1,5 страницы) на листе формата А4.

На уроке географии в медресе Мир-и Араб (Бухара, 1955)

Задание 3. Прочитайте фрагмент научной статьи на английском языке и напишите аннотацию на русском языке, охарактеризовав цели и задачи, которые ставит автор статьи, источники и методику, на которые он опирается для решения поставленных задач, основной тезис и аргументацию предложенного фрагмента. Каково Ваше аргументированное мнение по поводу прочитанного? Объем аннотации – не более 30-40 строк письменного текста (1–1, 5 страницы) на листе формата А4.

From: Paolo Sartori. Towards a History of the Muslims' Soviet Union: A View from Central Asia, in *Die Welt des Islams* 50 (2010), No 3, 315-334.

Muslimness

Giving Muslims a voice in the history of the Soviet Union will entail a departure from the major historical narratives. Adopting this approach means regarding the *stories* of the Soviet Muslims as meaningful per se; their uniqueness rests on the assumption that by belonging to a religious and ethical community, Soviet Muslims shared a specific cultural experience. Privratsky calls this Muslimness, i.e. "an ideology and a preference for Muslim life as an experience of the community [...] the religious life of the people, including the elders but not excluding anyone except those 'who have gone over to the Russians'." ¹ Accordingly, I use the term Muslimness in order to identify the culture of "being Muslim" under Soviet rule. Within this cultural framework, Islam, although challenged by the discourse of an unabashedly anti-religious state, remained a source of knowledge, ethics, morality, and spirituality for many (but by no means all) Muslims in the USSR.

Those who have done research in the Muslim-majority countries of the former Soviet Union have perceived the ongoing vitality of Soviet Muslimness in varying degrees, often more substantive than "an inner essence which was repressed during the 70 years of Soviet rule and therefore [...] partly forgotten."² I am referring to patterns of Islamic education kept alive by

¹ B. G. Privratsky, *Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory* (Richmond, Surrey: Curzon, 2001), 78.

¹⁶¹ M. Louw, "Pursuing Muslimness: Shrines as Sites for Moralities in post-Soviet Bukhara", *Central Asian Survey*, 25 (2006), 320.

illegal learning circles (*hujras*);³ itinerant mullahs touring the North Caucasus and Central Asia in order to perform mourning rituals;⁴ literary gatherings organized by members of the Tajik Union of Writers where passages from the masterpieces of Islamic literature were read;⁵ healing practices performed by individuals (*baxsi*) who lived their entire lives in the USSR and never learnt Russian.⁶ For others, Muslimness meant compliance with the Soviet discourse on national cultures that relegated Islam to the role of heritage: in this case Islam represented a distant cultural background and knowledge (often superficial) of long-dead saints and poets. Muslimness might also be concealed behind strategies of accommodation, mimicry and resilience: it is sometimes possible to learn more about the cultural background of a scholar at the Soviet Academy of Sciences (and the profound knowledge of Islam they received from their family) from the notes they left in the margins of the manuscripts they read than in direct conversation.⁷

The study of Muslimness reinstates Islam at the centre of everyday Soviet history (*Alltagsgeschichte*). But how should Muslimness be studied? This will demand a departure from the macro-level and from the Soviet macro-narratives in order to focus on people and micro-events.

Small-scale analysis is desirable for empirical purposes if we want to explore the social history of the Soviet Union in general. Microhistory would therefore be well-suited to studying the lives of individuals who most probably never occupied key positions in Soviet institutions, and whose names are not necessarily relevant for the collective memory today.⁸ But to successfully use this approach, historians will have to distance themselves from the teleology and unifying principles of the Soviet Union's historical narratives.⁹ Social anthropologists have already used this approach and demonstrated the reflexive attitudes of Soviet Muslims towards their religion and towards Islam as a culture.¹⁰

For the historian, however, much remains to be done. If we are to evaluate the evolution of Muslim culture during the Soviet epoch we will have to rely "on a deep grounding in religious patterns established in still earlier times."¹¹ This in turn will require a multi-faceted approach: on the one hand, studying Islamic institutions and Muslim culture in Central Asia prior to colonization and after the Russian take-over; on the other, patiently collecting micro-stories of Soviet Muslimness from rural areas, villages, and cities (as Marianne Kamp has done). This is all the more desirable if we consider that the Muslim regions of the Soviet Union were not a homogenous block, and that there were places where cultural and religious traditions were transmitted from one generation to another orally rather than in writing. In both cases we are dealing with fledgling fields of investigation.

While oral history looks particularly promising if we wish to investigate the post-WWII period, the archival revolution has opened bright prospects for those who plan to engage in the study of earlier times.

Central Asian post-Soviet archives are a mine of information for the historian interested in exploring intra-Muslim relationships under the local principalities prior to the Russian conquest as well as under Romanov rule. It has recently been argued that the danger of using this kind of documentation is that "we find Muslims in these [post-Soviet] archives only when they deal with

³ On *hujras*, see Kemper *et al.*, "Introduction", *Islamic Education in the Soviet Union*, 12f.

⁴ Cf. the biography of Bāgi Dadasbala oglu (1898-1965) in *Kürdāxam*, ed. S. H. Ālizadā, C. Ā. Muxtarov (Baki: Qarabag, 2008), 179-82. I am indebted to Volker Adam for calling my attention to this work.

⁵ S. A. Dudoignon, A. Zevaco, "Sur le 'Mail des Rhapsodes': Ethnies minoritaires, groupes de statut et sociabilités traditionnelles en Asie Centrale soviétique", *Asiatische Studien/ Etudes asiatiques*, 63 (2009), 273-322.

⁶ Personal observations during a trip through the Surxandaryo region, southern Uzbekistan.

⁷ The people I have in mind are the Muslim intellectuals who survived Stalinist-era arrests and deportation to Siberia, were rehabilitated in the 1960s and found jobs at the Institute of Oriental Studies.

⁸ On small-scale analysis and the history of little-known individuals, see C. Ginzburg, "Microhistory: Two or Three Things that I Know about It", *Critical Inquiry*, 20 (1993), 10-35.

⁹ I am not arguing, however, that microhistory should replace other methodologies, such as those applied to historical research in post-colonial and subaltern studies. Nor am I suggesting that by "going-small" we should downplay the importance of the main elements in the Soviet narrative in the lives of Soviet Muslims (e.g. the NEP, the Great Break and the Great Terror). Instead, microhistory seems a promising historical method since it illustrates new dimensions of people's lives that conventional approaches do not or cannot.

¹⁰ J. Rasanayagam, "Introduction", *Central Asian Survey*, 25 (2006), 223.

¹¹ D. Dewese, "Review of A. Khalid, *Islam After Communism: Religion and Politics in Central Asia*", *Journal of Islamic Studies*, 19 (2008), 140.

the state."¹² Yet by studying *sharī'a* court registers,¹³ social historians discovered not only how Islamic law functioned, they also understood much about the agency of people living under Ottoman rule.¹⁴ The examples of modern Europe¹⁵ and the Ottoman Empire suggest that the historian of Islam in Eurasia is fortunate in so far as Muslims interacted with states whose bureaucrats were such sticklers for documenting their intentions, interpreting their expectations, and evaluating their emotional investments.

[...] If we wish to pursue a broader history of the Muslims of the Soviet Union, the new kinds of sources which have been used and presented by the authors in this special issue will lead us to question some of the conventional wisdom of studies in this field.

¹² A. Khalid, "Searching for Muslim Voices in Post-Soviet Archives", *Ab Imperio*, 4 (2008), 304.

¹³ I have in mind the *sharī'a* courts in pre-Soviet Central Asia since, starting in 1927, the Islamic legal system was officially disbanded. For more information on what this involved, see my contribution to this special issue. Exploring the activity of Islamic courts is necessary if we wish to identify patterns of Muslim traditional culture established in earlier periods and evaluate the changes they underwent (or their disappearance) under Soviet rule.

¹⁴ For instructive examples, see B. A. Ergene, "Why did Ummu Gulsum Go to Court? Ottoman Legal Practice between History and Anthropology", *ILS*, 17 (2010), 215-44; M. V. Petrov, "Everyday Forms of Compliance: Subaltern Commentaries on Ottoman Reform, 1864-1868", *Comparative Studies in Society and History*, 46 (2004), 730-59.

¹⁵ See, for example, D. L. Smail, *The Consumption of Justice: Emotions, Publicity and Legal Culture in Marseille, 1264-1423* (Ithaca, London: Cornell University Press, 2003).

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Олимпиадные задания обусловлены концепцией и дисциплинарными задачами программы «Мусульманские миры в России (история и культура)». Она адресована бакалаврам и специалистам, имеющим высшее образование в области гуманитарных и социальных наук со знанием русского и английского языков. Предварительное востоковедное образование не обязательно. Поэтому при выполнении заданий абитуриент должен продемонстрировать, прежде всего, прочное образование в области гуманитарных и/или социальных наук и ориентацию в их современной проблематике и аналитических подходах, знание всемирной и российской истории и литературы, понимание проблем культурной истории. Вместе с тем, чтение рекомендованной специальной литературы по истории мусульманских сообществ в России, рассматривающей разные аспекты их взаимодействий с государственной властью и обществом, творческое осмысление этой литературы и ее использование при выполнении заданий несомненно поможет абитуриенту правильно ответить на вопросы. Способность освоить эту литературу, в сочетании с общегуманитарной грамотностью и умением демонстрировать свои знания, четко формулировать мысли, критически осмысливать прочитанное в широком проблемном контексте и анализировать источники разных типов, как раз и оценивается в предлагаемых олимпиадных заданиях. Соответствующие навыки будут совершенствоваться у магистранта и в процессе учебы. Знание исламских реалий на данном этапе необязательно, но является преимуществом. Вместе с тем, важнее, чтобы абитуриент был способен увидеть анализируемый материал в широком историко-культурном контексте и умел критически оценить его детали на фоне целого, чем чтобы он демонстрировал безошибочное знание «голых» фактологических подробностей. Приветствуется опора на Ваше знание научной литературы и умение ссылаться на мнения конкретных ученых при аргументации своей позиции в ответах на вопросы олимпиады.

Количественные критерии оценивания

Работа состоит из трех частей. Первые два задания представляют собой анализ источников двух разных типов (нарративного и визуального), относящихся к разным историческим периодам. Выполнение третьего задания должно продемонстрировать способность абитуриента понимать, осваивать и анализировать научные тексты на английском языке (доминирующем языке профессиональной литературы в настоящее время).

На написание работы в целом выделяется 240 минут.

Суммарная оценка складывается из баллов за каждый вид выполненной работы:

Максимальный балл за всю работу – 100 баллов.

Максимальный балл за задание 1 – 40 баллов;

Максимальный балл за задание 2– 30 баллов.

Максимальный балл за задание 3– 30 баллов.

ЛИТЕРАТУРА

Общая:

- Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле, 2016 (или 2001).
- Бобровников В.О. Почему мы маргиналы? – в: *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 325–344 (Или: Он же. Ориентализм – не догма, а руководство к действию? О переводах и понимании книги Э.У. Саида в России. – в: В.О. Бобровников, С.Дж. Мири (сост.) *Ориентализм vs. Ориенталистика*. М., 2016. С. 53–77).
- Бёрк П. *Что такое культуральная история?* М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
- Журавский А. *Введение в ислам*. М.: Роузбад, 2018.
- Саид Э. *Ориентализм: Западные концепции Востока*. СПб., 2006 (или: Said,

Олимпиада НИУ ВШЭ для студентов и выпускников – 2019 г.

- Edward. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1994 или 2003 (1st ed. 1978)).
- Миллер А. *Империя Романовых и национализм*. М.: Нов. лит. обозр., 2008.
 - [От составителей] В поисках новой имперской истории – в: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов (ред.-сост.) *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 7–29.

Специальная

- Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire. – in: *The Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689-1917*. Cambridge, 2006. P. 202–223.
- Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual Propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918–1940) – in: *Islamology* (2017), Vol. 7, No. 2. P. 53–73.
- Campbell E.I. *The Muslim Question and Russian Imperial Governance*. Bloomington&Indiana, 2015.
- Crews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia. In: *The American Historical Review* (2003), Vol. 108, No. 1.
- Frank A. *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia*. Leiden: Brill, 2001.
- Khalid, A. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, 1998. (<http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft8g5008rv/>)
- Абашин С.А. *Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией*. М.: Нов. лит. обозр., 2015 (обратите внимание на Очерк 10, С. 612-650).
- Бессмертная О. Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи – в: *Islamology*. 2017. Т. 7. С. 139-179.
- Бобровников В. Предисловие; Введение. Российский ислам в гуманитарных исследованиях: подходы и проблемы. – в: *Мусульмане в новой имперской истории*. М.: Садра, 2017. С. 5–22.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Нов. лит. обозр., 2007. (Гл. 5-8, 11, 14).
- Ходарковский М. *Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа*. М.: Нов. лит. обозр., 2016.